

Памяти Марии Львовны Златиной

Писать о Марии Львовне в прошедшем времени, даже спустя несколько месяцев после ее кончины, — противоестественно. Столько еще осталось проблем, которые мы не успели обсудить, столько тем, которые нужно было обговорить...

...В студенчестве мне не повезло, Мария Львовна не преподавала у нас на курсе. О том, что это невосполнимая потеря, я поняла, когда стала коллегой Марии Львовны. На протяжении двадцати двух лет мы работали вместе на кафедре философии Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при Киевском государственном университете.

Звездность Марии Львовны фиксировалась сразу, достаточно было услышать, как она говорит и что она говорит. Разница с окружением была огромная. Хотя это окружение состояло из именитых ученых, опытных преподавателей. Первое время я просто немела в ее присутствии, боясь сказать глупость или проговорить малозначительный сюжет. На адаптацию к общению с Марией Львовной ушло около трех лет. Это при том, что для нее было чуждым стремление обескуражить собеседника, коллегу своей эрудицией.

Работать рядом с человеком такого масштаба, как Мария Львовна, было непросто. Она задавала такую высоту в философском дискурсе, достижение которой не удавалось никому. Кое-кто комплексовал открыто, другие это тщательно скрывали. В любом случае это не давало покоя всем. Но тот факт, что кафедралы писали книжки, диссертации, свидетельствовал о том, что Мария Львовна не подавляла, а всячески стимулировала наши достижения в науке и преподавании.

У Марии Львовны не было огромного количества публикаций, хотя она принимала активное участие во всех плановых работах кафедры, выступала соавтором в десятках монографий. Но она была первой в нашей стране (тогда это был СССР), кто разработал спецкурс «Логика построения курса диалектического материализма». Книжку по этой теме издали сравнительно небольшим тиражом и почти сразу она стала библиографической редкостью. Начинание Марии Львовны было продолжено преподавателями кафедры. Так, Е.В.Осичнюк подготовил спецкурс на тему «Логика преподавания курса исторического материализма». В таком же направлении были подготовлены спецкурсы и по другим философским дисциплинам.

Но не публикации определяли огромное влияние Марии Львовны на философское окружение. Она была интересна в живом общении, выступая связующим звеном с дореволюционной русской философией. В Московском институте философии и литературы (МИФЛИ), где Мария Львовна успела проучиться три года перед войной, преподавали старые русские философы, чудом уцелевшие в те годы. Это от них принесла нам Мария Львовна ту традицию, тот особый стиль живого философствования. Это о нем в день ее похорон скажет С.Б.Крымский, что это была живая философия. В этом стиле было что-то нетленное, сократовское... Наверно, с этим связано то благоговение, та особая любовь, которую испытывали к ней слушатели ИПК. В советские времена они приезжали со всех концов страны и некоторых стран Восточной Европы. Слушать лекции Марии Львовны было общим увлечением. Параллельно с ней читать свою лекцию было наказанием, поскольку большая часть аудитории уходила слушать Марию Львовну,

оставались лишь те, кто не хотел тебя огорчить. Удивительным было то, что слушатели, особенно из России, приезжали к нам в ИПК по второму, третьему разу, чтобы послушать Марию Львовну. Так они говорили. Приезжали преподаватели, работающие в приволжских городах России, которым до Москвы было рукой подать, но они упорно ехали к Марии Львовне.

Мария Львовна была человеком увлекающимся. Она буквально влюблялась в некоторых членов кафедры, которые интересно работали в науке. Среди ее любимцев были А.Т.Лукьянов, В.Ф.Шевцов, А.И.Яценко, И.А.Бондарчук, И.С.Добронравова. Она не упускала никаких пауз в учебном процессе, чтобы не поговорить, подискутировать по какой-либо проблеме. При этом она произносила свою, ставшую привычной фразу: “Надо поговорить”. Среди слушателей она всегда находила одаренных людей и на протяжении пяти месяцев (это был срок пребывания в ИПК) поддерживала с ними контакты. Их присутствие на лекциях, семинарах стимулировало и ее саму. Очень унывала, когда набор слушателей оказывался заурядным — не было вдохновителей. Обладая редким чувством юмора, Мария Львовна пересыпала свои лекции неповторимыми афоризмами, которые мы, ее коллеги и ученики, несем сегодня в студенческие аудитории. “Не знаешь — не спрашивай”, “Люблю лезть” (кстати, так она снимала чувство неловкости, возникавшее при бесконечных похвалах и комплиментах слушателей); “развитие и прогресс... Прогрессивный паралич — это тоже прогресс?” Или, говоря о диалектическом соотношении части и целого, она подчеркивала, что целое получается не из частей, курицу нельзя собрать из кусков. Развитое целое получается из неразвитого целого. Как курица из яйца. Кстати, эти находки, разъясняющие диалектику соотношения категорий, не только не устарели, но приобрели особую актуальность в контексте современных синергетических теорий о самоорганизации сложных целостных систем.

Мария Львовна была человеком неконфликтным. Говорят, что это характерно для людей, у которых отсутствует чувство страха по какому-либо поводу. Неконфликтность и необыкновенная смелость каким-то образом сочетались у Марии Львовны. Будучи терпимой к коллегам и ученикам, она не включала в их число начальство. Она подвергала остроумной и беспощадной критике руководителей всех рангов в их присутствии: заведующего кафедрой, директора ИПК, ректора КГУ. Одному из давних заведующих кафедрой философии она сказала примерно такое: “Ну что Вы, зачем же обвинять меня в идеализме, ведь я Вас обвиняла всего лишь в идиотизме”. Когда у руководства КГУ созрела идея отправить Марию Львовну на пенсию, директор ИПК Б.И.Королев сказал: “Я не представляю ИПК без Марии Львовны”.

Я часто размышляла по поводу удивительной смелости, характерной для Марии Львовны: это врожденная черта или она сформирована ее необыкновенной биографией? Многие знают, что ее биография была уникальной. Когда началась война, она вместе с большинством однокурсников ушла добровольцем на фронт, став сандружинницей 3-й Коммунистической дивизии московского ополчения. Это произошло 15 октября 1941 года. Кстати, эта дата совпала с эвакуацией советского правительства из Москвы. За 8 месяцев пребывания на фронте Мария Львовна вынесла с поля боя не одну сотню раненых. (Героя Советского Союза давали за 100 раненых.) Командование дивизии представило Марию Львовну к этой наивысшей

награде, но офицер штаба, который доставлял документы в Москву, погиб, а с ним погибли и все представления. Да и сама дивизия понесла огромные потери и через какое-то время перестала существовать. Вскоре Мария Львовна была тяжело ранена. Почти год она пролежала в гипсе в разных госпиталях страны. Врачи говорили, что ходить она уже не сможет никогда. Но она поднялась, сначала с помощью костылей, потом палочки, вернулась к учебе. МИФЛИ, из-за огромных потерь студентов на войне, перестал существовать, и Мария Львовна завершила свое философское образование в МГУ. Потом была аспирантура, а в 1947 году она, вместе со своим мужем, известным ученым-философом Иваном Петровичем Головахой, приехала в Киев. С тех пор ее профессиональная судьба была связана с Киевским университетом имени Тараса Шевченко. Мария Львовна не только научилась ходить без палочки, но и родила двоих сыновей.

...Когда-то, лет пятнадцать назад, в ИПК проходила встреча Нового года. Вместе со слушателями каждый член кафедры готовил свое выступление. Подготовилась и я, назвав свое выступление “Куда мне до них”. В стихотворной, несколько шуточной форме, я выразила свое отношение к каждому члену кафедры. О Марии Львовне я написала так:

Воевала и рожала,
Но не только сыновей.
Все наборы поражала
Гениальностью идей.
...Куда мне до нее...

...Гегель когда-то, в связи с Гете, говорил о проблеме присутствия гения. Единственным отношением к гению, говорил он, может быть только любовь.

... Марию Львовну мы любили.

АЛЕКСАНДРА ЛЕВИЦКАЯ,
доктор философских наук

Мария Львовна

Первые дни вожденной студенческой жизни. Занятия на философском факультете шли в третью смену — в послевоенном 1948-м университет еще отстраивался. После дневного школьного сумеречное университетское бытие вносило полную сумятицу — и не только в привычный жизненный распорядок, но и в представления о том, как и чему я буду учиться на философском факультете. Сумбур вместо логики — такое ощущение оставляли лекции по диалекту профессора Ф.Ф.Еневича и его коллег. Но винила, конечно, во всем себя, свою неспособность воспринять особого рода науку, каковой, по уверению наших профессоров, был диалект. Комплекс неполноценности, доводивший порой до отчаяния 18-летнюю девицу, лишь усилился при попытке отыскать логику в первоисточниках. “Материализм и эмпириокритицизм” доконал окончательно. Начинались семинарские занятия,